

Зайцева Т.В.

РУКОПИСЬ РАССКАЗА «ХРАНИТЕЛЬ МУЗЕЯ» Б.Л. БРОДЯНСКОГО:
ОБРАЗ ХРАНИТЕЛЕЙ ПРИГОРОДНЫХ ДВОРЦОВ-МУЗЕЕВ
В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ.

Зайцева, Татьяна Владимировна — обучающаяся по ООП «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, st106913@student.spbu.ru.

Научный руководитель — Олег Анатольевич Любезников, кандидат исторических наук, доцент Кафедры музейного дела и охраны памятников, Санкт-Петербургский государственный университет.

Публикация впервые вводит в научный оборот рассказ блокадного периода писателя и журналиста Б.Л. Бродянского, хранящийся в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга. Блокада Ленинграда является одной из самых тяжелых и трагических страниц в истории города, и отдельное место в ней занимает деятельность музейных сотрудников по сохранению культурных ценностей. Так, рассказ Б.Л. Бродянского является иллюстрацией того, что подвиг музейных хранителей был оценен еще в годы войны. В тексте повествуется о тяжелых буднях музейных сотрудников, работавших в Объединенном хозяйстве музеев в блокадном Ленинграде. Особая ценность рассказа, написанного еще в годы войны, заключается в том, что описанные в нем детали совпадают с воспоминаниями и дневниками самих музейных сотрудников.

Ключевые слова: Ленинград, блокада, Объединенное хозяйство музеев, М.А. Тихомирова, Б.Л. Бродянский, музейные сотрудники, Исаакиевский собор.

MANUSCRIPT OF THE STORY “THE MUSEUM’S CURATOR”
BY B.L. BRODYANSKY: THE IMAGE OF THE CURATORS
OF SUBURBAN PALACE-MUSEUMS IN BLOCKED LENINGRAD

Zaitseva, Tatyana Vladimirovna — a student of the bachelor program “Museology and conservation of cultural and natural heritage sites”, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation, st106913@student.spbu.ru.

The scientific supervisor — O.A. Lyubeznikov, Candidate of Science in History, Associate Professor of the Department of museum work and protection of monuments at the Saint Petersburg State University.

The publication introduces for the first time into scientific circulation the story from the siege period by the writer and journalist B.L. Brodyansky, which is preserved in the Central State Archive of Literature and Art in St. Petersburg. The Siege of Leningrad is one of the most difficult and tragic chapters in the city’s history, and the efforts of museum staff to preserve cultural values hold a special place within it. B.L. Brodyansky’s story illustrates that the heroism of museum custodians was recognized even during the war years. It recounts the

challenging daily lives of museum staff working in the United Museum Economy during the siege of Leningrad. The particular value of this story, written during the war, lies in the fact that the details described align with the memories and diaries of the museum staff themselves.

Key words: Leningrad, blockade, United Museum Economy, M.A. Tikhomirova, B.L. Brodyansky, museum staff, St. Isaac's Cathedral.

В первые дни Великой Отечественной войны сотрудниками музеев в рекордные сроки были собраны и отправлены в эвакуацию музейные коллекции из Ленинграда и пригородных дворцов-музеев. Всего из пригородных дворцов-музеев было организовано шесть очередей эвакуации в города Горький и Сарапул, однако шестая очередь музейных предметов не была отправлена из-за нарушения транспортного сообщения¹.

В сентябре 1941 г. было прекращено железнодорожное движение², что сделало невозможным дальнейшую отправку экспонатов пригородных дворцов-музеев по железной дороге вглубь страны. В результате Управлением культурно-просветительскими мероприятиями Ленсовета (в дальнейшем — УКППЛ) было принято решение перевезти пятую очередь из Красногвардейска (с 1944 г. — Гатчины) и шестую очереди из Пушкина, Петергофа и Слуцка (с 1944 г. — Павловска) музейных экспонатов в Ленинград на 44 автомашинах³. Всего в Ленинград было вывезено 12 000 предметов, среди которых преобладала бронза, фарфор, живопись, ткани, бумага и мебель.

Коллекции, прибывшие в Ленинград, размещаются в Исаакиевском соборе (Государственном Антирелигиозном музее), который 15 июля 1941 г. стал центром Объединенного хозяйства музеев. Здесь в годы войны сохранялись коллекции самого Исаакиевского собора, Летнего сада, Домика Петра I, Музея истории и развития Ленинграда и пригородных дворцов-музеев Ленинграда.

Деятельности Объединенного хозяйства музеев посвящено немало исследований. В ряде исследований Объединенное Хозяйство музеев выделяется как один из центров в контексте сохранения коллекций конкретных музеев. Так, например, Р.Р. Гафифуллин описывает отправку части коллекций Павловского дворца-музея в Ленинград и деятельность по ее сохранению в Объединенном хозяйстве музеев⁴. Также описывается судьба коллекций Петергофских-дворцов музеев современным исследователем П.В. Петровым⁵. В других исследованиях, посвященных истории Государственного Антирелигиозного музея, изучается непосредственно деятельность Объединенного хозяйства музеев на протяжении нескольких лет. Так, например, А.В. Голованова и Ю.В. Мудров пишут о подготовке самого здания к размещению коллекций, о работе музейных сотрудников

¹ *Фатигарова Н.В.* Музейное дело в РСФСР в годы Великой Отечественной войны (аспекты государственной политики) // *Музеи и власть: государственная политика в области музейного дела. XVIII–XX вв.: сб. науч. труд. М., 1991. С. 179.*

² Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее — ЦГА-ЛИ СПб). Ф. 276 (Управление культпросветпредприятиями Ленгорисполкома). Оп. 1. Д. 58. Документы по эвакуации, консервации музейных ценностей из дворцов и парков Ленинграда и его пригородов (отчеты, списки, акты). Л. 2.

³ Там же. Л. 48.

⁴ *Гафифуллин Р.Р.* Павловский дворец-музей. Эвакуация и хранение музейных предметов в годы Великой Отечественной войны. Начало возрождения Павловска. Сохраняя наследие: история эвакуации музейных ценностей в г. Новосибирск, 1941–1945: сборник статей. Красноярск, 2020. С. 276–291.

⁵ *Петров П.В.* Петергофские дворцы-музеи в эвакуации // *Петергоф в Великой Отечественной войне: 1941–1945. Том I.* СПб., 2019. С. 18–35.

по сохранению культурных ценностей в годы блокады⁶. Важнейшими источниками для этих исследований являются дневники, письма и воспоминания музейных сотрудников, работавших в блокадном городе. Именно их изучение и сопоставление позволяет раскрыть детали блокадной повседневности хранителей.

Марина Александровна Тихомирова, хранитель коллекций Петергофского дворца-музея, работавшая в Исаакиевском соборе с 1943 г. писала: «Изнутри собора летом и зимой несло мертвенным холодом <...> Громадное неотапливаемое здание собора зимою промерзло насквозь, а к весне отпотевало так, что вода каплями выступала на внутренних стенах и колоннах <...> наш собор, по чьему-то меткому выражению был “настоящей живой могилой»»⁷. О страшном холоде писала и Анна Ивановна Зеленова, которая с 21 августа 1941 года была назначена директором Павловского дворца-музея и ответственным лицом за эвакуацию музейных экспонатов: «В те суровые зимы мороз на улице переносился легче, чем промозглый холод Исаакия»⁸.

Согласно отчету Управления по делам искусств о проделанной работе за 8 месяцев 1942 г., поступившем 29 августа 1942 г. в Ленгорисполком, в первые месяцы зимы 1941–1942 гг. отсутствовали отопление и электричество, чрезвычайно тяжелыми были условия как для музейно-хранительской, так и для научной работы⁹.

Сохранились описания Исаакиевского собора, принадлежавшие не только музейным сотрудникам. Марина Александровна вспоминала, что напротив Исаакиевского собора, в гостинице «Астория», размещались военные корреспонденты, журналисты и писатели: «Среди обитателей «Астории» были и наши друзья. Порой кто-нибудь из них забежал к дежурному Исаакия поделиться фронтовыми новостями, угостить консервами из ершей с бесчисленными косточками, выпить горячего чая в будочке или на портике». Среди них был журналист Борис Львович Бродянский (1902–1945), который, как писала Тихомирова, «очень интересовался нашими музейными делами и даже писал о них»¹⁰. В существующей на сегодня научно-исследовательской литературе нет специальных работ, посвященных этому сюжету.

Борис Львович Бродянский родился 10 июня 1902 г. в Китае в семье дипломата. После революции семья оказалась в Петрограде, только окончивший школу Борис участвовал в Гражданской войне, а печататься начал с 1918 г. С 1924 г. работал сценаристом на Ленинградской фабрике «Совкино» (позже «Ленфильм») и «Белгоскино». Его сценарий для детского фильма «Адрес Ленина» был высоко оценен А.В. Луначарским. Борис Львович писал критические статьи о кино и театральном искусстве, преподавал в различных учебных заведениях и в 1934 г. стал членом Союза писателей СССР¹¹. Во время Великой Отечественной войны он был старшим лейтенантом и начальником агитвзвода при Политуправлении Ленинградского фронта, организовав более двух тысяч концертов

⁶ Голованова А.В., Мудров Ю.В. Исаакиевский собор — символ города, не сломленный блокадой // Вестник «Зодчий. 21 век». 2020. № 1 (74). С. 14–23.

⁷ Тихомирова М.А. Памятники. Люди. События: из записок музейного работника. Л., 1969. С. 12–14.

⁸ Зеленова А.И. Статьи, воспоминания, письма. СПб., 2006. С. 90.

⁹ Третьяков Н.С. Спасение историко-художественных памятников пригородных дворцов-музеев Ленинграда в годы Великой Отечественной войны и первый послевоенный период (1941–1948 гг.): автореферат дис. канд. ист. наук. СПб., 1991. С. 15.

¹⁰ Тихомирова М.А. Памятники. Люди. События. С. 19–20.

¹¹ Сценаристы советского художественного кино. 1917–1967. Справочник. /Антропов Б.Н., Глаголева Н.А. и др. М., 1972. С. 58–59.

на фронте. В это же время он публикует работы, посвященные защитникам Ленинграда, как, например, книга «Борьба за Ленинград. Летчики», изданная в 1944 г.¹² Некоторые из его работ транслировались в радиоэфире, и к их числу относится обнаруженный рассказ, посвященный работе Объединенного хозяйства музеев.

В Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга сохранилась рукопись рассказа Б.Л. Бродянского 1943 г. «Хранитель музея». Это художественный рассказ, однако при его изучении становится ясно, что Борис Львович действительно общался с музейными сотрудниками и был свидетелем происходящего — можно проследить общие моменты из истории Объединенного хозяйства музеев, встречающиеся в самом рассказе, в воспоминаниях хранителей и в архивных документах, раскрывающих будни музейных хранителей. В рассказе освещается история юной хранительницы коллекций пригородного дворца-музея, начиная с момента упаковки и погрузки ящиков для отправки в Ленинград. Интересны некоторые детали, совпадающие с воспоминаниями хранителей.

Так, например, Б.Л. Бродянский пишет: «Внутри больших тяжелых ящиков вкладывали паспорта с точным наименованием сокровищ. На крышках ставились номера — охрой, и доски забивались гвоздями». Действительно, в каждый ящик вкладывались краткие описи предметов. Кроме того, как вспоминал Анатолий Михайлович Кучумов, сотрудник Пушкинских дворцов-музеев, на крышки ящиков наносились надписи, правда, черной краской: «Пушкинский музей, Ящик №» и здесь же — «Осторожно, не кантовать». Чтобы не привлекать внимания, отказались от слова «дворец-музей»¹³.

Именно Исаакиевский собор становится следующим местом действия в рассказе. Интересно, что прямо место не было названо, но Бродянский описывает его так, что не остается сомнений — это именно Исаакиевский собор: «Под сумрачными, циклопическими сводами старинного ленинградского здания, воздвигнутого полтора столетия тому назад, бережно хранились шедевры искусства, вывезенные из пригородных дворцов», или «...переступила высокий порог и входила в зал, погруженный в полумрак. Свет таинственно пробирался из-под купола, освещая полосами пышную лепку орнамента на стенах. Неверные блики падали то на темно-синие колонны, то на полированную облицовку порталов из уральских самоцветов, то на купол мозаики. Отмечал Борис Львович и страшный холод: «Под сводами высокого здания, ставшего хранилищем спасенных шедевров искусства, было всегда значительно холоднее, чем на улице»¹⁴.

В рассказе есть и яркие примеры того, что Борис Львович не раз посещал музейных сотрудников в соборе, зная детали их повседневной жизни. Например, он описывает маленькую будочку: «Подле старинного здания, на огромных гранитных ступенях подножья колоннады прилепилась фанерная сторожка с крошечной печуркой. Будочка эта служила пристанищем для научных сотрудников, которые тоже несли круглосуточную вахту». Он очень точно передает детали, не раз встречавшиеся в воспоминаниях хранителей. Ведь именно эту «будочку» Марина Александровна Тихомирова описывала как

¹² Бродянский Борис Львович // Энциклопедический словарь «Литераторы Санкт-Петербурга. XX век» / гл. ред. и сост. О.В. Богданова // Книжная лавка писателей. URL: <https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/b/brodyanskij/> (Дата обращения: 08.08.2025).

¹³ Кучумов А.М. Статьи. Воспоминания. Письма. СПб., 2004. С. 63.

¹⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Государственная телерадиокомпания «Петербург — 5 канал». Санкт-Петербург. 1933–1998). Оп. 2–1. Д. 1156. Рукопись рассказа Бориса Бродянского — «Хранитель музея». Л. 3.

место, которое благодаря буржуйке, служило и научным кабинетом, и приемной, и залом заседаний. Здесь отогревались, отдыхали, здесь составлялись акты о проверках вещей, писались статьи, обсуждались планы работ¹⁵.

Сам Исаакиевский собор в рассказе не называется, место не указывалось специально. В годы войны о расположении внутри собора хранилища знали немногие, а рассказ прозвучал по радио во всем Ленинграде, об этом свидетельствует вложенный в рукопись лист. Согласно ему, после того как текст был проверен цензором, он был разрешен к передаче по радио¹⁶. И 11 октября 1943 г. с 9:00 утра до 9:24 по ленинградскому радио прозвучала литературная передача: Рассказ Бориса Бродянского «Хранитель музея» — из цикла «Ленинградские были». Исполнял рассказ актер театра и кино, оперный певец и режиссер Павел Яковлевич Курзнер¹⁷. Внизу каждой страницы стоит печать о проверке текста цензором Ленгорисполкома.

Б.Л. Бродянский пишет и о коллекциях, находящихся в соборе, и о девушках, служащих в МПВО, защищающих Исаакиевский собор, о работе хранителей, о чьих дежурствах подробно рассказывала в своем дневнике Серафима Николаевна Балаева, заведующая художественным сектором Гатчинского дворца-музея, которая стала главным хранителем Объединенного хозяйства музеев¹⁸. Но одной из самых подробно описанных является история про ящик, который не имел своего номера. Как указывал журналист, содержимое этого ящика «вот уже два года оставалось загадкой». Но разгадать эту загадку хранительница не могла — ящик был заставлен другими экспонатами, и самостоятельно к нему не подобраться. О дальнейшем развитии этой истории Бродянский пишет — добраться до ящика и вскрыть его юной хранительнице помогла целая группа солдат из батальона выздоравливающих. И после вскрытия обнаружилось, что внутри бронзовая модель, повторяющая в мельчайших деталях памятник Петру I, известный как «Медный всадник»¹⁹.

Самое интересное то, что история, описанная в рассказе, абсолютно реальна. О ней пишет и М.А. Тихомирова, рассказывая о ящике без номеров и об удивительном открытии. Единственные отличия — в жизни необходимость освобождать нижние ящики была вызвана опасениями за сохранность тканей и ковров, которые нужно было достать для проверки состояния. А уже в ходе этих спасательных работ и был обнаружен ящик без подписи. И помогали хранителям не выздоравливающие, а попавшие на гауптвахту за мелкую провинность, но «стремящиеся к делу» солдаты²⁰.

Таким образом, несмотря на то что рассказ является художественным, можно проследить, что основан он на реальных событиях и посвящен реальным людям. Особая его ценность в том, что написан он был не спустя много лет, когда многое могло быть

¹⁵ Тихомирова М.А. Памятники. Люди. События. С. 15.

¹⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Государственная телерадиокомпания «Петербург—5 канал». Санкт-Петербург. 1933–1998). Оп. 2–1. Д. 1156. Рукопись рассказа Бориса Бродянского — «Хранитель музея». Л. 1А.

¹⁷ Павел Яковлевич Курзнер (1886–1948) — советский актёр театра и кино, оперный певец, артист эстрады.

¹⁸ Балаева С.Н. Записки хранителя Гатчинского дворца. 1924–1956. Дневники. Статьи. СПб., 2005. С. 101–145.

¹⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Государственная телерадиокомпания «Петербург—5 канал». Санкт-Петербург. 1933–1998). Оп. 2–1. Д. 1156. Рукопись рассказа Бориса Бродянского — «Хранитель музея». Л. 5–9.

²⁰ Тихомирова М.А. Памятники. Люди. События. С. 31.

забыто или искажено в памяти, а в момент, когда эти события происходили. Рассказ Бориса Львовича Бродянского — живое свидетельство того, что подвиг музейных сотрудников, работавших в блокадном Ленинграде, был оценен еще в годы войны.

Борис Бродянский²¹

Хранитель музея²².

Ленинградская бьль.

В аллеях тревожно шумели старые липы. Снаряды ложились уже в самом парке, неподалеку от дворца. Один из них ударил в большую клумбу георгинов перед фасадом. Воздушная волна повалила мраморную статую в центре одного из фонтанов.

Но, несмотря на жестокий, все усиливающийся обстрел, несколько работников музея и три пожилых сторожихи, молча, быстро и без суеты продолжали нагружать машины, отходившие одна от другой. Они стремились сберечь все, что только возможно: gobелены, штофную мебель, картины, старинные клавишины, хрусталь, ковры и бронзу.

Внутрь больших тяжелых ящиков они вкладывали паспорта с точными наименованиями сокровищ. На крышках ставились номера — охрой, и доски забивали гвоздями. Потом ящики тяжелые, громоздкие, с трудом втаскивали на платформы автомобилей.

Один из ящиков, однако, пронумеровать так и не удалось, и паспорта на него не пришлось заполнить.

Немецкие мотоциклисты-автоматчики показались на парковых аллеях, и этот ящик в последнюю минуту пришлось просто втянуть на машину. Шофер рванул с места, машина помчалась по асфальту шоссе по направлению к Ленинграду.

На ящике, рискуя ежеминутно упасть, сидела Марина — хранитель богатств музея, советский археолог... Марина вцепилась руками в веревку, обвязывавшую ящик. Ветер сорвал с ее головы соломенную шляпу, растрепал крупные локоны рыжеватых волос, напоминавших дамские прически на старых портретах девятнадцатого века. В обычное время Марина к этим прическам слегка привыкла.

Машина развивала скорость. Шуршал асфальт, позади слышались тяжелые и гулкие, подобные ударам литавр, пушечные разрывы.

Молодая женщина никогда не смогла позабыть этого осеннего прозрачного дня сорок первого года.

С тех пор прошло более двух лет. И тот же ящик, по-прежнему без номера, с неизвестным содержанием стоял перед ней. Она внимательно посмотрела на крышку, точно человеческий взор способен проникать сквозь толстые доски...

«— Это — бронза», — подсказало Марине подсознательное чувство. «Безусловно бронза... Но что же именно?»

У Марии кончилось очередное дежурство. Под сумрачными, циклопическими сводами старинного ленинградского здания, воздвигнуто полтора столетия тому назад, бережно хранились шедевры искусства, вывезенные из пригородных дворцов. Двойная охрана оберегала их. Девушки в серых комбинезонах — бойцы команд местной противовоздушной обороны — регулярно выходили на посты, крепко сжимая тонкими пальцами стволы винтовок. Подле старинного здания, на огромных гранитных ступенях подножья колоннады прилепилась фанерная сторожка с крошечной печуркой. Будочка эта служила пристанищем для научных сотрудников, которые тоже несли круглосуточную вахту.

²¹ В тексте имя и фамилия автора выделены подчеркиванием.

²² Название рассказа выделено двойным подчеркиванием.

Здесь дежурили искусствоведы, археологи или просто руководители экскурсий, получившие подготовку в наших музеях.

Свои дежурства Марина очень любила. Огромным, точно бутафорским ключом открывала она массивные двери черного дерева, украшенные металлическими барельефами: дверцы трудно было сдвинуть с места, но потом дверцы поддавались с неожиданной легкостью, уходили в сторону. Марина переступала высокий порог и входила в зал, погруженный в полумрак. Свет таинственно пробирался из-под купола, освещая полосами пышную лепку орнамента на стенах. Неверные блики падали то на темно-синие колонны из ляпис-лазури, то на полированную облицовку порталов из уральских самоцветов, то на куски мозаики.

На узорчатом каменном полу стояли ящики с намаляванными на их крышках номерами. В круглых деревянных клетках виднелись золоченые статуи. Поодаль лежали груды оружия минувших эпох: сабли, мушкеты и карликовые мортиры, а подле них — садовые украшения, куски кованых ажурных решеток. Тут лежали причудливо смешанные творения живописцев, резчиков по дереву и кости, ваятелей, граверов, гранильщиков стекла и камня, ювелиров-чеканщиков, там — изделия ткачих, кружевниц, мастеров китайского фарфора, скульпторов и литейщиков.

Хаос был, конечно, только кажущимся: научные сотрудники вели реестры, знали расположение сокровищ, доверенных их попечению. В этом безбрежном море разнообразных предметов, разных стран и эпох, Марина ощущала себя уверенно. Она могла, не заглядывая в инвентарные списки, сказать: вот в той клетке — золоченый воин с Большого Петергофского каскада; а там — французский фарфоровый туалетный прибор императрицы Елизаветы. В случае пожара или другой какой-либо катастрофы Марина наверняка бы не растерялась. Молодая женщина дала бы верные указания, что нужно выносить в первую очередь, что — во вторую. Марина знала, помнила и наглядно представляла себе расположение всех сокровищ.

В самом центре старинного здания, ставшего хранилищем спасенных шедевров искусства, оставалось небольшое свободное пространство. Под сводами высокого здания было всегда значительно холоднее, чем на улице. Марина, задерживаясь на дежурствах, чтобы согреться начинала петь и танцевать фантастические танцы в такт песне. Женский голос, усиленный многократным отражением, звучал торжественно, взлетая под самый купол, откуда пробивался косой луч света.

Молодая женщина никогда не теряла ясной бодрости духа. Она аккуратно пришла на дежурство и в тот день, когда артиллерийский снаряд, выпущенный врагом, разорвался в ее собственной маленькой квартире. Марина пришла на дежурство охранять предметы искусства, хотя могла не достучаться многих, не музейных, конечно, но накопленных трудом, обжитых и любимых предметов обихода, погребенных под обломками рухнувшей стены.

Ящик, лишенный номера, научные сотрудники в шутку прозвали «таинственным». Марину-хранителя давно смущало отсутствие сведений о его содержимом: нужно было открыть и проверить: что в нем сохранилось. Но ящик стоял удивительно не удобно, он был заставлен громоздкими ящиками; для того, чтобы к нему проникнуть требовалась посторонняя, причем обязательно мужская, помощь.

Однажды на дежурстве Марину разыскал ее старый знакомый — Филипп Иванович Коршунов, работавший до войны в маленьком, но интересном музее — музее городской скульптуры. Встрече с Коршуновым Марина обрадовалась. Она ценила этого любопытного

человека, самородка, самоучку, не получившего систематического образования, но отлично изучавшего прошлое искусства и, особенно, прошлое русского искусства.

Война помешала Филиппу Коршунову закончить научную работу, посвященную истории русской скульптуры.

В июле сорок первого года музейный работник Коршунов, в юности участвовавший в гражданской войне, вновь надел красноармейскую гимнастерку. Коршунов храбро дрался в движениях народного ополчения, был контужен и ранен, пролежал два месяца в госпитале и затем вновь встал в строй защитников Ленинграда.

— Раньше мы только изучали историю, а теперь сами ее делаем, — улыбнулся он.

В сорок третьем году Филип Иванович вторично получил серьезное ранение осколком мины. Он вылежал меньше, чем полагалось, и находился теперь в батальоне выздоравливающих. Марина нашла, что Коршунов мало изменился:

— Вот вы какой! — сказала ласково молодая женщина, глядя на две золотых и одну красную полосу и орден Красной звезды, украшавших грудь человека, недавно бывшего только искусствоведом.

— Не посрамили, можно сказать, нашей корпорации, Филип Иванович. А еще говорят, что музейные работники сами в Кунсткамеру просятся, в банки с формалином...

Хранилище сокровищ, порученное Марине и ее товарищам, заинтересовало Коршунову. Он задумался и потом сказал:

— Порядочно, значит, оберегали. Вы радость искусства для народа сохранили: война кончится, враг будет уничтожен и многие из этих шедевров займут свое старое место, глаз будут радовать. Вы красоту, человеком рожденную, укрыли от немцев. Это — хорошее дело!

Марина рассказала Коршунову о своей работе, упомянула она и об эпизоде с ящиком, лишенным номера, содержимое которого вот уже два с лишним года продолжало оставаться загадкой для окружающих.

Коршунов пообещал Марине прийти в следующий раз с целой группой командиров из батальона выздоравливающих:

— Ну, вроде экскурсии, — сказал он. — И вам все поможем переставить, и ящичек заодно освидетельствуем...

В ближайший выходной день Коршунов сдержал обещание. Большая группа офицеров входила под своды исторического здания. Марина немедленно начала командовать этим неожиданно появившимся подкреплением.

Предприняла давно назревшую передвижку наиболее тяжелых предметов. Работа спорилась и скоро подоспела очередь вскрывать таинственный ящик. Марина принесла инструменты:

— О, нет, — сказал Коршунов, — каждая работа требует вознаграждение! Уговор дороже денег: какое бы произведение искусства мы в нем не обнаружили, вы, Марина, обязуетесь рассказать о нем нашим командирам. — Согласны? Тогда по рукам!

Офицеры с трудом освободили большой ящик и выдвинули его на середину. С треском отлетели доски крышки, плотно забитые машинными гвоздями. Окружающие нетерпеливо заглянули внутрь...

Красный плотный шелк старого знамени, обшитого потемневшей тесьмой, скрывал очертание предмета, занимавшего почти весь ящик.

— Отойдите, — сказала Мария спокойным тоном, — дайте мне самой посмотреть...

Ее руки погрузились в складки материи...

— Я была права, действительно, бронза, и вдобавок шелк оказался для нее надежной защитой, сырость сюда не проникла... Теперь можете вынимать.

Из складок красного шелка, слегка выцветшего, но сохранившего свой благородный теплый оттенок, показалась темная бронзовая модель тонкой и вдохновенной работы. Модель повторяла в малейших деталях памятник Петру «Медный всадник».

Наступила тишина.

И Марина, и Коршунов, и офицеры невольно залюбовались моделью.

Первый нарушил торжественное молчание Коршунов:

— Должно быть тепло было Петру в складках знамени! — пошутил он. А потом, помолчав, добавил: — Знаете, как называется камень, из которого сделано подножие Медного Всадника на площади Декабристов? Гром-скала. Камень, меченый острием ударившей в него молнии, привезли в Петербург с превеликими усилиями из Лахты. По преданию, когда Петру довелось однажды быть в Лахте, он въезжал на эту скалу верхом на коне...

Коршунов развернул знамя, которым была окутана модель. На полотнище мелькнула надпись: «Красная гвардия Петергофских железнодорожных мастерских».

— Ну, а теперь, Марина, вам придется оплатить наш труд интересным рассказом, — сказал Коршунов. — Нам ведь предстоит еще переноска модели, а вещь то увесистая!..

— Я честно выполняю свое обещание, Филипп Иванович. Я расскажу товарищам офицерам одну петербургскую легенду о Медном Всаднике. Вдобавок легенда эта имеет продолжение в наши дни. И вы, Филипп Иванович, в некотором роде, одно из действующих лиц.

— Любопытно! — расхохотался Коршунов.

— В дни войны восемьсот двенадцатого года, — начала рассказ Марина, — войны с Наполеоном, опасность нашествия после падения Москвы в какой-то степени грозила и Петербургу. При дворе царя пошли разговоры о том, что следовало бы из города увезти памятник Петру. «Наполеон может попытаться, — говорили придворные, — украсить одну из площадей Парижа творением Фельконета». Александр Первый — гласит легенда — послушался придворных и велел отпустить несколько десятков тысяч рублей на перевозку Медного Всадника из Петербурга в безопасное место. Но тут произошел случай. К одному из наиболее близких к царю людей, к князю Голицыну пришел старый ветеран-майор в отставке Батулин. Майор поведал князю о сне, который трижды видел, причем, якобы, три ночи подряд. В полночь, говорил майор князю, — со своего пьедестала Гром-скала соскочил Петр на коне и прямехонько помчался через Сенатскую площадь и Исаакиевский мост на Петербургскую сторону. По дороге завернул к своему домику, просмотрел все ли там в порядке, перепорхнул через его крышу прямо на Каменный остров. А в ту ночь в Каменноостровском дворце находился царь. Александр, заслышав стук бронзовых копыт под окнами, опустил по лестнице навстречу необычайному всаднику. Прадед поглядел сердито на внука, сверкнул очами и сказал: «Зачем ты тревожишь меня? Верь моим солдатушкам... Знай, куда я стою на своей скале- Петербург неприступен!». — «Ты не врешь про сон? — сердито спросил ветерана князь Голицын. — «Не думаю, ваше сиятельство, что я вру», — ответил хитро майор и посмотрел на князя единственным уцелевшим взглядом. О снах майора Батулин Голицын доложил Александру Первому. Александр улыбнулся, но приказ свой — вывезти памятник Петра из Петербурга — отменил.

— Это же распространенная в девятнадцатом веке легенда, — сказал Коршунов, — легенду мог знать Пушкин ...Считается в ней — зародыш Медного Всадника.

— Подождите, не перебивайте, — продолжала Марина. Модель, которая стоит перед вами, увезенная под обстрелом врагов, была преподнесена городом Петербургом городу Петергофу в день двухсотлетия города Петергофа — в торжественной обстановке... Я думаю, товарищи офицеры, что скоро эта модель вернется на старое место.

Офицеры молчали. Медали на оливковых лентах золотились на груди у каждого.

— А теперь продолжение... Кажется, в августе сорок первого года Филипп Иванович выезжал в Ленинград с передовых. Он заглянул на место своей старой службы. Я там его и встретила. Филипп Иванович говорил по телефону: до моих ушей долетели странные слова — о своем? — «не эвакуируете транспорта к Медному Всаднику!»! — Но зачем же вы вызвали транспорт к Медному Всаднику? — недоумевала я. — Привезут мешки с песком, — ответил мне Филипп Иванович, — мы закроем памятник надежным футляром. Ни один осколок не прикоснется к нему.

Марина повернулась к Коршунову:

— Вы помните этот случай, Филипп Иванович?

— Точно!.. Мы в тот день помню Медного Всадника закрывали и памятник Ильичу — у Финляндского вокзала. С памятником Ильичу у меня связано одно интересное воспоминание. Много в моем батальоне казахов-снайперов было — охотники, степному зверю в глаз попадают, а лучший среди них — Карамбаев. Он из урочища происходит Куян-Куз, что значит по-казахски «Заячий глаз». Были мы с Карамбаевым в городе однажды — ордена в Смольном в один день получали, только ему побольше — орден Ленина тогда дали... Интересовался Карамбаев городом нашим очень: в первый раз в Ленинграде побывать казахом-снайпером пришлось!.. Часов пять мы с ним по Ленинграду ездили — все я объяснял. В конце концов очутились на площади перед вокзалом. Заходящее солнце освещало красноватыми лучами, точно богатырский курган, поросший травой, — защитную пирамиду вокруг памятника. Я все рассказал Карамбаеву и про место это историческое, и про возвращение товарища Ленина в семнадцатом году, и про памятник — броневик, на котором стоит бронзовый Ильич, вытянувший руку. В киоске мне удалось купить открытку с изображением памятника. Я подарил ее снайперу. Карамбаев бережно спрятал подарок.

Прошло двое суток. Дважды истребитель Карамбаев пополнил свой счет. На третий день — вечером — я застал Карамбаева в блиндаже. Героя окружали земляки. На столбе была прибита мною подаренная фотография. Пожилой казах перебирал струны домры. Казахи-певцы импровизировали тут же свои протяжные песни. — О чем ты поешь сегодня, храбрец, — спросил я Карамбаева.

— О чем я пою-атта-капитан?!.. Карамбаев поет так... Идем мы в атаку...и с громом открывается каждый раз гора и выезжает из нее танк... На танке стоит Ленин...Впереди нас в бой едет...И рукой своей поднятой дорогу указывает нам. Один джол — дорога есть у нас — вперед...

*ЦГАЛИ СПб. Ф. 293. Оп. 2–1. Д. 1156. Л. 1–11.
Машинопись.*

Список литературы

Гафифуллин Р.Р. Павловский дворец-музей. Эвакуация и хранение музейных предметов в годы Великой Отечественной войны. Начало возрождения Павловска // Сохраняя наследие: история эвакуации музейных ценностей в г. Новосибирск, 1941–1945: Сб. ст. Красноярск, 2020. С. 276–291.

Голованова А.В., Мудров Ю.В. Исаакиевский собор—символ города, не сломленный блокадой // Вестник «Зодчий. 21 век». 2020. № 1 (74). С. 14–23.

Петров П.В. Петергофские дворцы-музеи в эвакуации // Петергоф в Великой Отечественной войне: 1941–1945. Том I. СПб.: ГМЗ «Петергоф», 2019. С. 18–35.

Сценаристы советского художественного кино. 1917–1967. Справочник. / Антропов Б.Н., Глаголева Н.А. и др. М.: Искусство, 1972. 439 с.

Третьяков Н.С. Спасение историко-художественных памятников пригородных дворцов-музеев Ленинграда в годы Великой Отечественной войны и первый послевоенный период (1941–1948 гг.): автореферат дис. канд. ист. наук. СПб., 1991. 24 с.

Фатигарова Н.В. Музейное дело в РСФСР в годы Великой Отечественной войны (аспекты государственной политики) // Музей и власть. М.: НИИК, 1991. С. 173–216.

References

Fatigarova N. V. Muzejnoe delo v RSFSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (aspekty gosudarstvennoj politiki) [Museum Work in the RSFSR during the Great Patriotic War (Aspects of State Policy)], in *Muzej i vlast'*. Moscow: NIIK, 1991. P. 173–216. (In Rus.).

Gafifullin R.R. Pavlovskij dvorec-muzej. Jevakuacija i hranenie muzejnyh predmetov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Nachalo vozrozhdenija [Pavlovsk Palace Museum. Evacuation and storage of museum items during the Great Patriotic War. The beginning of the revival of Pavlovsk], in *Sohranjaja nasledie: istorija jevakuacii muzejnyh cennostej v g. Novosibirsk, 1941–1945: sbornik statej*. Krasnojarsk, 2020. P. 276–291. (In Rus.).

Golovanova A.V., Mudrov Ju.V. Isaakievskij sobor—simvol goroda, ne slomlennyj blokadoj [St. Isaac's Cathedral is a symbol of the city that was not broken by the blockade], in *Vestnik «Zodchij. 21 vek»*. 2020. № 1 (74). P. 14–23. (In Rus.).

Petrov. P. V. Petergofskie dvorcy-muzei v jevakuacii [The Peterhof Palaces and Museums in Evacuation] in *Petergof v Velikoj Otechestvennoj vojne: 1941–1945. Tom I*. St. Petersburg: GMZ “Peterhof”, 2019. P. 18–35. (In Rus.).

Scenaristy sovetskogo hudozhestvennogo kino. 1917–1967. Spravochnik [Screenwriters of Soviet Feature Films. 1917–1967. Handbook]. / Antropov B.N., Glagoleva N.A. i dr. Moscow: Iskusstvo, 1972. 439 p. (In Rus.).

Tret'jakov N. S. *Spasenie istoriko-hudozhestvennyh pamjatnikov prigorodnyh dvorcov-muzeev Leningrada v gody Velikoj Otechestvennoj vojny i pervyj poslevoennyj period (1941–1948 gg.): avtoreferat dis. kand. ist. nauk* [The Rescue of Historical and Artistic Monuments of the Suburban Palaces-Museums of Leningrad during the Great Patriotic War and the First Post-War Period (1941–1948): Abstract of a Dissertation for the Candidate of Historical Sciences]. St. Petersburg, 1991. 24 p. (In Rus.).